

УТВЕРЖДАЮ:

**Ректор Тамбовского государственного
университета имени Г.Р.Державина**

д.э.н., проф. В.М. Юрьев

« 09 » 2014 г.

О Т З Ы В

ведущей организации – ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» на диссертацию Елены Михайловны Тимошечкиной «Раскулачивание крестьянства в Борисоглебском округе Центрально-Черноземной области (первая половина 1930 г.)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02–Отечественная история

Аграрный вопрос в России, во всех его аспектах и проявлениях, всегда был ключевым в жизни страны, и в этом смысле коллективизация 1930-х годов является кульминацией исторической судьбы российского крестьянства, тем, что принято называть «моментом истины». Выбор Е.М. Тимошечкиной столь актуальной темы важен еще и потому, что территориальная (Борисоглебский округ с населением в 800 тыс. жителей) и хронологическая (1930 г.) локализация объекта обещает построение типовой региональной модели «раскулачивания», углубив общее понимание проблемы и дав ей новый конкретный материал.

Диссертация Е.М. Тимошечкиной основана на весьма обширной источниковой базе, самостоятельно разработанной ею. В ней использованы 16 архивных фондов разнообразной ведомственной принадлежности. Это документальное богатство не порабощает автора, побуждая к описательности, а служит ему подспорьем в научном анализе, основой доказательности суждений, положений и выводов. Ни одно из своих наблюдений, даже бесспорных, соискатель не оставляет без этого, выказывая тем самым необходимое «верхнее

чутье» историка, которое и отличает профессионала от самоуверенного дилетанта. При этом соискатель сохраняет должный уровень объективности и отстраненности от документа и тогда, когда эмоции кажутся неизбежными.

В диссертации фигурирует до трехсот названий работ по избранной теме, около полтора десятка – на иностранных языках. Этот раздел достаточно полно отражает современное научное состояние проблемы. Историографический процесс показан как постепенное, «подспудное» накопление знаний о коллективизации деревни, которое, в конце концов, сделало возможным резкий поворот в общей трактовке темы, едва отпала официальная оценка события. Хотя, возможно, нет в литературе более фальсифицированной темы в истории XX века, чем «раскулачивание», диссертант конструктивно фиксирует сдвиги в ее разработке, с учетом крайне сложных обстоятельств, в которых приходилось работать историкам. Соискатель часто полемизирует с предшественниками, не соглашаясь с распространенными утверждениями, вроде того, что «раскулачивание» было поддержано широкими крестьянскими массами (с. 9), или что именно крестьяне инициировали «раскулачивание». Вызывает, впрочем, досаду, что в диссертации упущена «смежная» монография Т.А. Кротовой «Тамбовское крестьянство и власть в конце 1920-х – начале 1930-х годов», что позволило бы продуктивнее использовать историческое сравнение.

Структура диссертации проста и логична, «подсказана» самой кампанией «раскулачивания», с ее военно-мобилизационным характером, с заведомо непредсказуемыми последствиями. Основному содержанию предшествует вводный раздел, где отражен социально-экономический фон, на котором развертывались события. В Борисоглебском округе ЦЧО проходили типичные процессы в жизни села, здесь четко просматриваются элементы традиционной крестьянской среды, в частности безусловное преобладание общины, что наложило печать на восприятие крестьянством мероприятий советской власти.

В главе первой «Осуществление политики ликвидации кулачества как класса в Борисоглебском округе ЦЧО в первой половине 1930 г.», которая составляет ядро исследования, показана организационная подготовка кампании и ее реализация. Здесь определенно просматриваются три блока вопросов: юридический, социальный и экономический. Автор предусмотрительно

оговаривается, что не считает кулачество неким классом (с. 51) и вынужденно пользуется этим термином в соответствии с официальной формулировкой того времени. В целом проблема рассматривается в русле общей концепции модернизации страны, которая была исторически неизбежной, но, по мнению автора, могла проводиться на иных основаниях, с неизмеримо меньшими потерями, материальными и социальными, человеческими.

Рассматривая проблему с юридической стороны, Е.М. Тимошечкина «раскулачивание» трактует в целом как идеологическую, репрессивную акцию, в основе которой лежало уголовное преследование. Административно-правовые действия властей, центральных и местных, имели, по ее определению, стихийный характер (на наш взгляд, более точно – спонтанный, хаотичный). Огромный фактический материал, прежде засекреченный, позволяет отчетливо видеть противоречивость, неподготовленность аграрной политики, которую власти корректировали на ходу с необратимыми потерями. Не было выработано понятия «кулака», давая возможность самого широкого его толкования. Предложенный центральной властью перечень признаков кулацких хозяйств не учитывал (добавим, и не мог учесть в принципе) реального состава семьи, наличия трудоспособных ее членов. Как справедливо полагает диссертант, при советской власти слово «кулак» приобрело скорее политическую, нежели экономическую окраску – им обозначался «классовый враг».

В диссертации освещены все существенные аспекты: присвоение имущества раскулаченных, судьба изъятой собственности, выселение раскулаченных, как и принятие властями мер по пресечению нарушений действующего законодательства. Уточнены сведения об итогах раскулачивания в первой половине 1930 г. по Борисоглебскому округу.

Проведенный соискателем анализ показывает, что для ликвидации «кулацких» хозяйств чаще всего использовался «административный метод», что и явилось, по мнению автора, причиной многочисленных «перегибов», если рассуждать в терминах самой власти. Практически осуществлять политику ликвидации кулачества как класса предстояло местным органам власти, что еще более усугубляло «правовой беспредел» в деревне в 1930 г.

Центральным, на наш взгляд, является социальный аспект диссертации, отражающий поведение крестьян при «раскулачивании». Автор подчеркивает, что крестьянство в целом не участвовало в акции, противоречившей его трудовой этике, веками выработанной ментальности, воспринимало «раскулачивание» как обычный грабеж чужого добра. Такой источник благосостояния и благополучия им был чужд. Источники опровергают утверждение, преобладавшее в советской историографии, что середняцко-бедняцкие слои активно помогали власти проводить раскулачивание, будучи заинтересованы в получении изъятого имущества. Приведены факты, когда крестьяне отказывались заселять избы «раскулаченных» (с.110), выступали против раскулачивания отдельных лиц (с.83). Соискатель справедливо указывает, что поведение крестьян отражало реальные отношения между различными слоями сельского населения. Ведь именно зажиточные хозяева являлись социальным страховщиком бедноты. Вместе с тем автор не избежал некой романтизации вопроса, недооценив внутрикрестьянских противоречий, на которых режим успешно играл начиная с комбедов 1918 г., опираясь на маргинальные слои деревни.

Экономический анализ проблемы неизбежно упирается в вопрос о «цене» достигнутой сталинским руководством победы над крестьянством. Распространенные в историографии выводы о значительном вкладе конфискованного имущества в укрепление материальной базы колхозов источниками не подтверждаются. Как приговор, воспринимается подсчет автора, что только 10,7 % стоимости изъятой у «кулаков» собственности досталось колхозам, тогда как планировалось, что она должна составить материальную основу их организации и укрепления. Эта существенная разница объясняется, по мнению Е.М. Тимошечкиной, не только плохим учетом конфискованного имущества и заниженной его оценкой, но и тем, что большая часть его портилась, уничтожилась, растаскивалась, что иллюстрируют многочисленные документы.

Особый интерес представляет сюжет о расселении «кулаков» т.н. третьей категории в пределах округа, которому подлежали свыше 4 тыс. хозяйств. Как установила Е.М. Тимошечкина, местные власти вынуждены были остановить

этую акцию в связи с резким обострением политической обстановки в деревне и невозможностью изолировать выселенцев от остального населения. Однако эти меры были приняты с большим запозданием и уже не могли возродить былую экономическую мощь единоличных хозяйств. Столь же показателен и другой «результат»: из 782 торгово-промышленных заведений в Борисоглебском округе к февралю 1930 г. осталось только 64. Потери в экономике и расстройство хозяйства, справедливо заключает исследователь, вызвали вскоре небывалый в стране голод. Вводимые в научный оборот документы убедительно показывают, что раскулачивание нанесло большой урон экономике округа и для его населения имело трагические последствия.

Вторая глава «Взаимоотношения власти и крестьянства в период проведения ликвидации кулацких хозяйств» посвящена последствиям раскулачивания, попыткам их частичного исправления. Она опровергает сообщение секретаря обкома ВКП(б) ЦЧО И.М. Варейкиса в центр, что выселение кулаков за пределы области происходило «сравнительно спокойно, без всяких эксцессов». Невыполнение властью требований крестьян о прекращении раскулачивания и возврате конфискованного имущества привело в ряде мест к массовым выступлениям. Одновременность выступлений крестьян разных селений указывает на общность их причин и мотивов и не дает оснований считать их спланированными и подготовленными – это можно объяснить лишь осознанием необходимости сплочения всего сельского населения в борьбе за сохранение крестьянских хозяйств как основы дальнейшего существования. В научный оборот вводятся ранее неизвестные материалы о противодействии широких слоев крестьянского населения раскулачиванию, рассматриваются наиболее характерные для данной местности формы сопротивления в январе-феврале 1930 г.

В обвинительном заключении по сфабрикованному делу Воронежской организации «Трудовой крестьянской партии» ей приписывалась ответственность за эти выступления. Однако, пишет соискатель, изученные материалы требуют дать иную оценку событиям: сопротивление крестьян было, прежде всего, защитной реакцией на насильственные меры власти в отношении зажиточных хозяев и являлось выражением крестьянской взаимопомощи.

Изначально их действия носили оборонительный характер, им были присущи стихийность и спонтанность, отсутствие единого руководства. Особенностью массовых выступлений в Борисоглебском округе является неприменение крестьянами оружия против представителей власти. Вместе с тем, по мнению автора, призыв «Долой коммунистов, Советскую власть!» был эмоциональным проявлением недовольства крестьян, а не политическим требованием. Установлены имена более двух сотен сельских жителей округа, приговоренных к лишению свободы, более семидесяти расстрелянных.

Борьба с «перегибами», рассмотрение жалоб были ответной реакцией власти, обеспокоенной негативными последствиями своих действий. Руководители среднего и низшего звена были недовольны тем, что вышестоящие инстанции стремятся переложить всю вину за просчеты на них, поэтому многие предпочитали бездействовать, чтобы вновь не попасть в число «перегибщиков», но уже в преодолении «перегибов». В ходе раскулачивания власть не раз меняла установки, но неизменным оставался провозглашенный ею курс на ликвидацию кулацких хозяйств, на уничтожение наиболее трудолюбивой и успешной части крестьянства.

Общие замечания по тексту диссертации носят, скорее, характер пожеланий. Представляется, что следовало дать более основательный обзор того, что предшествовало отказу от нэпа и переходу к «раскулачиванию» как условия сплошной коллективизации, а именно: доктринальные основы большевизма, которые не оставляли крестьянству места в социалистическом обществе, с одной стороны, борьба в партийных верхах – с другой. Расправившись с оппозицией, сталинское руководство практически реализовало ею же предлагаемые методы преодоления нэпа, в духе концепции первоначального накопления Преображенского–Пятакова. Именно в этом, а не в спорах о том, кого конкретно следует считать кулаком, лежит основная причина трагизма самой политики «раскулачивания».

Учитывая место, которое в диссертации занимает статистика, следовало дать ей специальную источниковедческую оценку. Выдающийся философ и экономист Н.В. Вольский (Валентинов), работавший тогда в ВСНХ, 1930 год считал, например, рубежом между прежней «превосходной» советской

статистикой и «ложивыми и безобразными статистическими сведениями», публиковавшимися начиная с 1930 г.

Общий же итог исследования состоит в том, что в нем крестьянство, пусть и в отдельном регионе, предстает не пассивным объектом правительственной политики, а реальным историческим субъектом. Вследствие этого «ликвидация кулачества как класса» закономерно обернулась ликвидацией всего крестьянства как общественного класса. Это горький урок доктринального экспериментирования во имя социальной утопии.

В целом же, диссертация Е.М. Тимошечкиной представляет собой законченное самостоятельное исследование, она отвечает требованиям, предъявляемым диссертациям в соответствии с «Положением о порядке присуждения учёных степеней», принятым постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. Автор заслуживает присвоения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором Л.Г. Протасовым. Отзыв обсужден и принят на заседании кафедры российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина 1 сентября 2014 г. (протокол № 1).

Зав. кафедрой российской истории,
доктор исторических наук, профессор

Ю.А. Мизис

